

— Проснись... проснись, дорогой...

Старик, спавший рядом с ней, с трудом открыл глаза и, зевнув, спросил:

— Что случилось, *libling*?¹

— Пора вставать. Сегодня — *тот* день, ты разве не помнишь? Пошли, я приготовлю завтрак.

Женщина слегка откинула одеяла, чтобы можно было спустить ноги с кровати, и оперлась на локоть, чтобы было удобнее встать. Она была старой и немощной, а потому, чтобы подняться утром с постели, ей каждый раз приходилось прилагать немало усилий.

На секунду-другую она замерла, дожидаясь, когда пройдет головокружение и сердце станет биться спокойно. Ее муж лежал неподвижно, с широко раскрытыми глазами. Он ждал, когда в какой-нибудь части его тела родится энергия, необходимая для того, чтобы принять вертикальное положение.

Женщина принялась мысленно считать: «Раз... два... три...» На счет «десять» она встанет на ноги. И вдруг ее

¹ Любимая (*идиши, в латинской транскрипции*). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

охватило ощущение комфорта. Сначала она удивилась, но потом поняла: тратить на подъем столько времени, сколько хочется, — это роскошь, которой она никогда раньше в своей жизни себе позволить не могла.

«Десять...» Она глубоко вздохнула и распрямила колени. У нее началось было легкое головокружение, но в конце концов она смогла сделать шаг. Сделав еще три или четыре шага, она добралась до подоконника и оперлась о него. Теперь женщина могла рассмотреть через стекла простирающуюся за окном улицу Бруклина, освещенную бледными лучами рассвета. Вид открывался не очень-то живописный: низкие двухэтажные здания, табачная лавка на углу, чуть поодаль — школа. Все это очень сильно отличалось от очертаний Манхэттена, но все же она любила этот маленький мирок, где, как она знала, ей ничто не угрожало.

Она повернулась к кровати. Ее муж запутался в простынях и отчаянно пытался выбраться.

— Подожди, я тебе помогу.

Она подошла и стащила простыни, намотавшиеся ему на ноги ниже колен. Затем обхватила ладонями худющие лодыжки и помогла спустить ему ноги с кровати. Он сел на постели, и супруги оказались лицом к лицу. Они посмотрели друг другу в глаза, и на какое-то мгновение ей почудилось, что она снова видит на его лице то самоуверенное выражение, которое очаровало ее много-много лет назад.

Теперь он сидел, сгорбившись под тяжестью прожитых лет. Пижамная куртка в шотландскую клетку вяло свиса-

ла с худых плеч. Она попробовала было ухватить его под мышки и помочь встать, но он отстранил ее жестом.

— *A brokh!*¹ Во-первых, я еще не настолько немощный, — пробурчал он. — Во-вторых, в тот день, когда я уже не смогу подняться, вызови караульных, скажи им, что я попытался тебя изнасиловать, и пусть они меня пристрелят. В-третьих, если ты попытаешься помочь мне, мы в конце концов оба повалимся на пол.

Женщина мысленно улыбнулась — улыбнулась самой себе.

С решительным видом ухватившись за спинку кровати, ее муж сумел заставить себя подняться на ноги.

— Я иду в ванную, — провозгласил он таким тоном, будто это было объявление войны.

Женщина направилась в кухню, настолько маленькую, что в ней с трудом могли одновременно разместиться два человека. Она зажгла на плите огонь и водрузила на него приготовленную еще с вечера здоровенную кастрюлю. Затем она распахнула дверцу старого, выкрашенного в белый цвет шкафа (они не меняли мебель еще с пятидесятих годов) и достала кухонную утварь, чтобы накрыть на стол. Она положила все на поднос и отнесла в гостиную — самое красивое помещение их квартиры. Пол здесь был деревянным, а по потолку змеился лепной гипсовый орнамент. Дневной свет вливался через три окна (все три — в одной стене), обращенные на маленький — районного значения — парк. В центре комнаты стоял длинный узкий

¹ Черт поberi! (*Идиш, в латинской транскрипции.*)

стол, подходивший скорее для ресторана или для зала проведения свадебных торжеств, чем для обычной квартиры.

Шаркая зелеными тапочками из грубой шерсти, женщина подошла к столу, поставила поднос в центр и принялась расставлять приборы: металлические миски кое-где уже слегка потершиеся и покрытые небольшими вмятинами. Старые-престарые миски... Женщина действовала в строгой последовательности. Первая миска, вторая, третья... Всего десять. Она окинула взглядом стол и убедилась, что все стоит исключительно симметрично. Затем вернулась на кухню и заглянула в стоящую на плите кастрюлю. В ней бурлила коричневатая жидкость. Это был кофе — не настоящий, а так, суррогат. Женщина, зачерпнув немного ложкой, попробовала на вкус и тут же погасила огонь.

Потом из ящика в кухонном шкафу она извлекла большой бумажный пакет. В нем оказалась круглая буханка черного хлеба. Женщина, напрягаясь, принялась орудовать зазубренным ножом. Хлеб был старым и черствым и на вид совсем не аппетитным. Она неторопливо отрезала десять одинаковых кусочков, делая паузы, чтобы оценить взглядом размеры каждого из них. Сложив кусочки в корзинку, вернулась в гостиную и, двигаясь вокруг стола, клала по одному кусочку рядом с каждой миской. После, пошатываясь от тяжести, она принесла в гостиную из кухни кастрюлю с кофе и начала разливать коричневую жижу старым и сильно искривившимся черпачком — почти до краев в каждую миску. Когда она закончила, из ванной появился ее муж — умывшийся и побритый. На нем был белый халат.

— Ты уже все приготовила, — констатировал он, явно разочарованный тем, что не смог помочь супруге.

— Оденься и приходи...

Мужчина вышел в другую комнату, но вскоре снова был в гостиной, облаченный теперь в светло-коричневый костюм из неплотной шерсти. Слишком длинные брюки мели по полу, а манжеты рубашки слишком уж выступали из рукавов пиджака. Когда-то давно это был, в общем-то, неплохой костюм, но теперь он выглядел весьма потрепанным.

Супруги сели рядом: он занял место по центру, а она — слева от него.

Мужчина отломил чуточку от лежащего перед ним ломтика черствого черного хлеба и обмакнул его в кофесуррогат, чтобы размягчить. Еще остававшиеся у него зубы были уже не такими крепкими, как когда-то, однако он даже и думать не хотел о том, что ему пора бы обзавестись протезами. В глубине души он все еще чувствовал себя молодым мужчиной, которому чудом удалось выжить в аду... Он стал очень осторожно жевать хлеб и с усилием проглатывать его. Женщина последовала его примеру.

Кроме них двоих за столом никого не было. Остальные восемь мисок стояли на столе и из них вверх устремлялись тоненькие струйки пара, рассеивающиеся в воздухе на полпути к потолку. Восемь кусочков хлеба, казалось, напряженно ждали, когда же их съедят. Мужчина положил в рот еще немного хлеба и отхлебнул чуть-чуть кофе, а женщина ограничилась лишь несколькими крошками. Они

завтракали подобным образом в сосредоточенном и торжественном молчании, которое ни один из них не осмелился бы нарушить. Их глаза были задумчивы — словно перед их мысленным взором мелькали какие-то давнишние ужасные сцены.

Прошло минут десять, но никто так и не произнес ни слова, а остальные восемь кусков хлеба и восемь мисок с кофе так и остались нетронутыми. От коричневой жидкости уже не поднимался пар: кофе постепенно остывал. Женщина взглянула на миски, наполненные кофе, и на разбросанные по скатерти крошки.

— Ты закончил, *hartsenyu*?¹ — спросила она у мужа.

Тот кивнул и поднялся из-за стола.

— Будешь одеваться? — поинтересовался он.

Женщина отрицательно покачала головой.

— Сегодня утром я что-то чувствую себя утомленной. Иди один. Если раввин спросит, почему я не пришла, скажи, что мне нездоровится.

Мужчина на мгновение замер, удивившись решению своей супруги.

— Ты уверена?

— Иди. Я тут немного приберу, а потом, пожалуй, приму ванну. Тебя ждать к обеду?

Мужчина, хотя он и не был уверен в том, что в словах его жены и в самом деле содержится вопрос, все же кивнул. Затем надел пальто и широкополую шляпу, которая,

¹ Милый (*идиши*, в латинской транскрипции).